

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумчика, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Федеева.

№ 3 (854)

15 января 1940 г., понедельник

Цена 30 коп.

ЛЕДОКОЛ «СЕДОВ»БАДИГИНУ
ТРОФИМОВУ

КОМАНДЕ ЛЕДОКОЛА «СЕДОВ»

Приветствуем вас и весь экипаж «Седова» с успешным преодолением трудностей героического дрейфа в Северном Ледовитом океане.

Ждем вашего возвращения в Москву.

Горячий привет!

И. СТАЛИН.

В. МОЛОТОВ.

ЛЕДОКОЛ «И. СТАЛИН»ПАПАНИНУ
БЕЛОУСОВУ

КОМАНДЕ ЛЕДОКОЛА «И. СТАЛИН»

Примите нашу благодарность за блестящее выполнение первой части задания по выводу ледокола «Седов» из льдов Гренландского моря.

Горячий привет!

И. СТАЛИН.

В. МОЛОТОВ.

Пьесы 1939 года

Сегодня истекает срок представления пьес на соискательство ежегодной премии имени А. М. Горького, учрежденной Совнаркомом СССР для лучших произведений советской драматургии.

Уже предварительное обсуждение пьес, достойных премии, пришло нас немало неожиданностей. Многие литераторы пришли почему-то думать, что драматургия — самая захудала, как бы второстепенная разновидность художественного творчества. Говорят о несовершенстве драматургии, считалось просто хорошим тоном. Крупные романтики или поэты, написав пьесы, обычно находили нужным разъяснять читателю, что это, мол, шальность перва, и судить об их творчестве следует не по пьесам, написанным «на досуге», а по романам или стихам. Это ложное представление о самом труде и важном виде литературы привело к тому, что мы стали отечь потребовательны к пьесам, что эстетический критерий прозы и драматургии оказался совершенно разными.

И вот когда зашла речь о премии, многие успели: а где же эти пьесы, отвечающие высоким требованиям эпохи, пьесы, достойные премии, посыпая ими величайшего русского писателя? И вдруг оказалось, что многочисленные театры и литературно-художественные организации отстаивают право на премию более чем 40 пьес. И отстаивают во всеоружии логики и художественного опыта, ссылаются на всенародное признание пьес, на их поэтическую силу и немеркнущую жизненность. Разве не может служить доказательством в пользу «Павла Грекова» то, что в минувшем году состоялось 2000 представлений этой истинно-гражданской пьесы, что на этих представлениях побывало больше миллиона зрителей? Разве не убедительный аргумент в пользу «Сказки» то, что, по единодушному признанию зрителя, это — самое поэтическое произведение советского театра? Разве не говорят в пользу пьесы «Мой сын» то, что она воспитывает в зрителе подлинно интернациональные чувства братской солидарности и революционной борьбы? Сколько убедительных доводов можно привести в защиту «Жизни», «Богдана Хмельницкого», «Волка» и многих других пьес 1939 года!

Сорок пьес! Не так-то просто уяснить себе значение этой цифры. Гного когда-то говорил, что одна хорошая пьеса в год — это очень большой успех, три — почти золотой век в театральном искусстве, а пять — еле ли достижимый идеал. Мы не можем сказать, что все сорок представленных к премии пьес — безупречные произведения искусства. Более того, некоторые из них, по нашему мнению, очень еще незрелы, есть среди выдвинутых пьес и просто слабые. Но при всем несовершенстве этих пьес мы видим в них правду жизни и притом правду живущуюущую; мы видим в них наше современность, запечатленную со страстью и душевным волнением. Можно иметь любое суждение по поводу этих пьес — они могут нравиться или не нравиться, но для всех очевидно, что их нужно рассматривать как явления искусства и оценивать не как «сыре для сцен», а как серьезную литературу.

Только недавно с таким опозданием приступившая к работе комиссия по драматургии, театру и кино при президенте союза писателей должна взять на себя руководство этой дискуссией. Мы соскучились по настоящему идейному спору в драматургии, по оценкам, сурвоям и спортивным, которые побуждают мысль художника к творчеству. Вообще задачи этой комиссии широки, и от ее работы мы вправе ждать многое. Вот, например, среди представленных к премии пьес мы находим «Вагиф» — пародию драмы о замечательном азербайджанском поэте и мыслителе XVIII века Молла Вагифа. Эта пьеса Самед Вургуна была поставлена в Баку еще в начале прошлого года. Успех ее был триумфальным. Но никто из деятелей московского театра ею не занимался, и о ее существовании узнали только теперь, когда она представлена к горьковской премии. Нормально ли такое положение? А как организованы пропаганда и распространение пьес московских авторов? Скорее всего, Бельгии на периферии, до сих пор попадали с опозданием на целый театральный сезон. В Симферополе только в этом году поставили «Павла Грекова», «Богдана Хмельницкого». В Ростове театры в течение нескольких месяцев добивались пьесы Шаляпина «Жизнь». И в то же время организации, ведущие издашем и распространением пьес, рассыпают на периферию заваленную макулатуру.

Однако Сталинская в беседе с режиссерами и периферийными театрами с увлечением говорила о значении драматургии и приводила по этому поводу слова Геге. Смысль этих слов был примерно такой:

Большой драматический поэт, если ему присущ монит и благородный образ мысли, проникший все его произведения, может достичь того, что душа его пьес станет душой народа. Это есть печать, стоящая труда!

Мы убеждены в том, что пресная имитация Горького будет способствовать расщеплению нашего драматического искусства, и гетерогенности «миропонимания», о котором Горький писал как о главном лице будущих пьес.

Не следует увлекаться! 1939 год был действительно успешным для драматургии, но это только начало дальнейшего расцвета нашего драматургического искусства. Начало, правда, многообещающее, потому

К. С. БАДИГИН

Д. Г. ТРОФИМОВ

Москва, ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину, СНК СССР — товарищу Молотову

Первая часть Вашего заявления по выводу из льдов Гренландского моря дрейфующего ледокольного парохода «Георгий Седов». Все члены экипажа парохода «Георгий Седов» выполнены.

Борт ледокола «И. Сталин», Гренландское море.

Москва, Кремль, товарищу Сталину

Сегодня, 13 января, в 12 часов 07 минут флагман арктического флота ледокол «Иосиф Сталин», выполнив задание партии и правительства, подошел к борту ледокольного парохода «Георгий Седов». Все члены экипажа парохода «Георгий Седов» выполнены.

Начальник Главсевморпути при СНК СССР И. ПАПАНИН.

Борт ледокола «И. Сталин» подошел к борту ледокольного парохода «Георгий Седов». Все члены экипажа парохода «Георгий Седов» выполнены.

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

С чувством величайшей радости мы встретились с советскими людьми, которых мы умели создать, чтобы руль работал, но, вероятно, мы все же поведем «Седов» на буксире. Ни исключена возможность захода в Баренцевбург для осмотра наливами водолазами подводной части «Седова».

Ничего не поделаешь

Е. КИПОВИЧ

В № 2 «Литературной газеты» от 10 января появилась статья М. Лифшица, в которой он отвечает на мою статью о книге Г. Лукача «К истории реализма» («Литгиз», 15 ноября).

К сожалению, к статье тов. Лифшица вполне применим печальный афоризм из западных книгах Марка Твена: «Правда — величайшая драгоценность; нужно ее помнить».

Режим экономии истины, установленный М. Лифшицем, настолько суров, что в его статье остались лишь скучные кропотки спора по существу. К нам-то мы и обратимся, минуя остальные элементы его выступления, к которому он привык.

М. Лифшиц прежде всего возмущает то, что, не соглашаясь с концепцией тов. Лукача, мы называем его крупным литератором. Но нашему мнению, это вполне естественно. В каждом литературном направлении есть представители разного масштаба. И на наш взгляд тов. Лукач является единственным крупным представителем того направления, к которому он принадлежит.

Г. Лукач много знает и — что также очень важно — относится к своим знаниям скромно. В его работах нет того воистория перед своей эрудицией, который приводит статьям некоторых наших литераторов и критиков склонность с лавкой небогатого антиквара. Затем — и это самое важное — тов. Лукач ставит в своих работах чрезвычайно серьезный вопрос о том, что искусство в классовом обществе развивается антигностически, что взаимоотношения между мировоззрением и методом великих художников прошлого сложны и противоречивы. И ошибки тов. Лукача заключаются не в том, что он разрабатывает эту важную проблему, а в том, наиболее ясно и яснее отчетливо присутствует в статье М. Лифшица.

Кстати сказать, М. Лифшиц напрасно думает, что все поклонники Бальзака не-применно революционные марксисты, а все поклонники Стенделя — злые буржуазные либералы, и скандал и игра духом, издаваясь на словах Гольбера о «линиях в будущем».

В основе этой концепции творчества Стенделя лежит ошибка простая и печальная: а именно неумение различать буржуазно-либеральные и революционно-демократические тенденции в эстетике и общественной практике XIX и ХХ вв. и обясняется это смешение разных тенденций все тем же стремлением рассматривать историю буржуазного общества изолированно от всего исторического процесса в целом.

Бернард Шоу, человек умный и острый, сказал как-то, что для Маркса капитализм был лишь тучей, прописавшейся на небе, в то время как для Рикардо он был китайской степью, перед которой отступил весь мир.

Вот эта вторая линия оценки прописана в статье Г. Лукача и знает о нем только поэты.

Бернард Шоу, человек умный и острый, сказал как-то, что для Маркса капитализм был лишь тучей, прописавшейся на небе, в то время как для Рикардо он был китайской степью, перед которой отступил весь мир.

Заслуги Рикардо очень велики, так же, как и заслуги Гегеля и Бальзака. Эти идеологии учили людей точному, суровому знанию действительности, знанию, свободному от всякой «морализующей» критики и критикующей морали.

Но не следует, канонизируя позицию Рикардо, преумножать заслуги тех, кто учил людей прямой и страстной ненависти к буржуазии, действительности, кто в разной, пусть часто ограничительной форме, оказывал на действительность революционное воздействие.

Литератором и критиком, который рассматривает всех революционных художников прошлого как либеральных бунтовщиков, как южнокорейских карбас-идеалистов, и не видит принципиальной разницы между Стенделям и какими-нибудь Карлом Гукштадтом, это чисто вредно.

Нам кажется также, что, защищая Гете, М. Лифшиц в силу полемики разошелся не только с объективной истиной, но и с тов. Лукачом. Г. Лукач всего лишь сближает — и на наш взгляд, слишком

лько по было. Из этого следует, что М. Лифшиц, понимая термин в общепринятом смысле, подчеркивает в статье «Надежно» мысль тов. Лукача, о том, что в идеологии первой половины XIX века заложил победивший буржуазии гармонический стиль сливавшийся с революционно-демократическим стремлением построить новый, лучший мир. Для подкрепления этого тезиса М. Лифшиц ссылается на процесс маниль-монтанского семейства, на коммунистическое собрание ренессансных купцов, на либерально-буржуазную болтовню об эманципации плоти.

Если содержание статьи страстно любит М. Лифшиц идеологию первой половины XIX века, определяет для него боевые или угрожающие, карикатурными способами спора по существу. К нам-то мы и обратимся, минуя остальные элементы его выступления.

М. Лифшиц прежде всего возмущает то, что, не соглашаясь с концепцией тов. Лукача, мы называем его крупным литератором. Но нашему мнению, это вполне естественно. В каждом литературном направлении есть представители разного масштаба. И на наш взгляд тов. Лукач является единственным крупным представителем того направления, к которому он принадлежит.

Г. Лукач много знает и — что также очень важно — относится к своим знаниям скромно. В его работах нет того воистория перед своей эрудицией, который приводит статьям некоторых наших литераторов и критиков склонность с лавкой небогатого антиквара. Затем — и это самое важное — тов. Лукач ставит в своих работах чрезвычайно серьезный вопрос о том, что искусство в классовом обществе развивается антигностически, что взаимоотношения между мировоззрением и методом великих художников прошлого сложны и противоречивы. И ошибки тов. Лукача заключаются не в том, что он разрабатывает эту важную проблему, а в том, наиболее ясно и яснее отчетливо присутствует в статье М. Лифшица.

Кстати сказать, М. Лифшиц напрасно думает, что все поклонники Бальзака не-применно революционные марксисты, а все поклонники Стенделя — злые буржуазные либералы, и скандал и игра духом, издаваясь на словах Гольбера о «линиях в будущем».

В основе этой концепции творчества Стенделя лежит ошибка простая и печальная: а именно неумение различать буржуазно-либеральные и революционно-демократические тенденции в эстетике и общественной практике XIX и ХХ вв. и обясняется это смешение разных тенденций все тем же стремлением рассматривать историю буржуазного общества изолированно от всего исторического процесса в целом.

Бернард Шоу, человек умный и острый, сказал как-то, что для Маркса капитализм был лишь тучей, прописавшейся на небе, в то время как для Рикардо он был китайской степью, перед которой отступил весь мир.

Заслуги Рикардо очень велики, так же, как и заслуги Гегеля и Бальзака. Эти идеологии учили людей точному, суровому знанию действительности, знанию, свободному от всякой «морализующей» критики и критикующей морали.

Но не следует, канонизируя позицию Рикардо, преумножать заслуги тех, кто учил людей прямой и страстной ненависти к буржуазии, действительности, кто в разной, пусть часто ограничительной форме, оказывал на действительность революционное воздействие.

Литератором и критиком, который рассматривает всех революционных художников прошлого как либеральных бунтовщиков, как южнокорейских карбас-идеалистов, и не видит принципиальной разницы между Стенделям и какими-нибудь Карлом Гукштадтом, это чисто вредно.

Нам кажется также, что, защищая Гете, М. Лифшиц в силу полемики разошелся не только с объективной истиной, но и с тов. Лукачом. Г. Лукач всего лишь сближает — и на наш взгляд, слишком

примоднейшо — позиции Гете и Бальзака. Но тов. Лукач отнюдь не считает, что Гете был таким поповствующим пессимистом, каким его хочет представить М. Лифшиц. В статье тов. Лукача об «Утилитарных иллюзиях» Бальзака есть очень правильное определение оптимизма Гете, его веры в поступательное движение человеческой истории.

— Гете, — говорит тов. Лукач, — отчаявшись с большой глубиной проблемы послереволюционной эпохи, все же воспринимал общественную эволюцию, происшедшую со временем Ренессанса, как положительную. Поэтому Михаэльфельд у него «часть силы, которая всегда стремится к злу, но теорет добрь».

Как же теперь быть, М. Лифшиц? Вот и тов. Лукач утверждает, что Гете, разжаловавшись по-вашему, пишет перспективный. Очевидно и тов. Лукач тоже же не читал «Фауста» и знает о нем только понаслышке.

По особенному погодование М. Лифшица вызывает самое имя Стенделя. И это вполне естественно. Действительно, если рассматривать творчество Стенделя с точки зрения эволюционной практики буржуазного общества, оно окажется чистым и изолированным романтизмом.

Тут можно легко и просто зачислить М. Лифшица в буржуазные либералы, и скандал и игра духом, издаваясь на словах Гольбера о «линиях в будущем».

В основе этой концепции творчества Стенделя лежит ошибка простая и печальная: а именно неумение различать буржуазно-либеральные и революционно-демократические тенденции в эстетике и общественной практике XIX и ХХ вв. и обясняется это смешение разных тенденций все тем же стремлением рассматривать историю буржуазного общества изолированно от всего исторического процесса в целом.

Бернард Шоу, человек умный и острый, сказал как-то, что для Маркса капитализм был лишь тучей, прописавшейся на небе, в то время как для Рикардо он был китайской степью, перед которой отступил весь мир.

Заслуги Рикардо очень велики, так же, как и заслуги Гегеля и Бальзака. Эти идеологии учили людей точному, суровому знанию действительности, знанию, свободному от всякой «морализующей» критики и критикующей морали.

Но не следует, канонизируя позицию Рикардо, преумножать заслуги тех, кто учил людей прямой и страстной ненависти к буржуазии, действительности, кто в разной, пусть часто ограничительной форме, оказывал на действительность революционное воздействие.

Литератором и критиком, который рассматривает всех революционных художников прошлого как либеральных бунтовщиков, как южнокорейских карбас-идеалистов, и не видит принципиальной разницы между Стенделям и какими-нибудь Карлом Гукштадтом, это чисто вредно.

Нам кажется также, что, защищая Гете, М. Лифшиц в силу полемики разошелся не только с объективной истиной, но и с тов. Лукачом. Г. Лукач всего лишь сближает — и на наш взгляд, слишком

«Я требую фактов и фактов... Факты — вот все, что нам нужно на этом свете. Насаждайте факты и искореняйте все остальное... Слово «внебразмене» должно быть изгнано, уничтожено. Вы не должны иметь с ним ничего общего...»

ДИКЕНС. «Жажда времени»

— У нас нет литературных битв! — У нас нет высотных полетов без груза, наш строгий учитель тут же для контраста, для напоминания изучения демонстрирует высотный полет с грузом:

— Вс. Иванов написал недавно новую пьесу «Влюблённые». Опубликованный отрывок, на мой взгляд, замечательен. Я сожалею, я не читал пьесу целиком, но из отчета об обсуждении пьесы знаю ее содержание и в свете высказываний ряда тов. Г. Лукач. — Ага! — обрадовался он, — попались голубушки! «Полет мысли и воображения! «Весенний! «Безудерженный!» Небеса местности обозревает! — и тут же отдал самому себе приказ: Спизи! Сбигти! Приземлить!

Мысль застоявшегося бойца работала лихорадочно и страшно. «Приземлиться, распространить животин вниз, уткнуть носом в землю, плюхайтесь, пушайте, вот прообраз дикая собака Днепра. Что за вяз? что за род? Какой хвост, какая шерсть, какой язык? Факты, факты, факты! И никаких мечтаний, никаких фантазий, созерцательности, никаких полетов!»

Такова изначальная, чтобы не сказать извращенная, боевая позиция тов. Пернова. Об обсуждении... об общем, обогащает общее... — это в конце концов можно даже использовать в качестве скороговорки на первом курсе театральных училищ.

Во время сейчас останавливаются и падают, что требует от Пернова «художественной конкретности» сам он легко достигается, кроме фактов из биографии, чтобы образец для подражания.

Вот эта вторая линия оценки прописана в статье Г. Лукача и знает о нем только понаслышке.

Откровенно говоря, прочитав эти строки тов. Пернова, я воспыпал к нему острой завистью. Какой случайств! Он не знает плохих романов, пьес, стихотворений! Для него это — «таинственные книги».

Как же мне назвать их? Как раскрыть «тайны» обогащаемое кипятком? Смело ли я вспыхнуть эту очарованную душу?

Нет, нет! Уласи, господи. Совесть заставляет.

Потом я чувствую что-то неладное. Как же так случилось, что эта очарованная душа, пылающая в розовых облаках блаженного неведения, вдруг восстал против своего рая, против мечты властелина призывающих нам счастья и любви?

Сколько можно было бы сказать о том, что я не могу писать пьесы о любви?

Может быть, впрочем, я открою вам секрет, скрывающийся в этих строках тов. Пернова, я воспыпал к нему острой завистью. Какой случайств! Он не знает плохих романов, пьес, стихотворений!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не очень-то высокое, а так, бреющим полетом, а еще лучше — совсем не совсем.

Может быть, впрочем, я открою вам секрет, скрывающийся в этих строках тов. Пернова, я воспыпал к нему острой завистью. Какой случайств!

Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов! Три статьи писали три разных человека. Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Бояться, что я вспыхну? Но ведь это не самое страшное, тов. Пернов!

Полеты и поклоны

А. ГУРВИЧ

точности, обстоятельности? Есть! И пе-
мало.

Первое. Показав на примерах, что та-
кое высотное полет без груза, наш строгий
учитель тут же для контраста, для напоминания изучения демонстрирует вы-
сотный полет с грузом:

«Вс. Иванов написал недавно новую
пьесу «Влюблённые». Опубликованный отрывок, на мой взгляд, замечательен. Я сожалею, я не читал пьесу целиком, но из отчета об

О житейской достоверности и об'ективной истине

В статье В. Пернова «Новогодние заметки», напечатанной в № 2 «Литературной газеты», более всего заинтересовал меня метод мышления автора, сознательно избранный и возделанный в обязательную норму для всех, пишущих о литературе. В просторечии этот метод называется «здравого смысла». Человек сознательно очерчивает для себя замкнутый круг, и никакие соблазны не в силах заставить его перешагнуть за эту черту, за которой простирается область «легкомысленных» догадок и преграждений.

И ни в какой степени ни претендую на то, что мой прогноз дальнейшего развития советской литературы является беспрошибимым. Так же ни в какой степени не претендую я на пограничность моего «чувствия нового». Именно потому и облечь я свое высказывание в своеобразный жанр «Новогодних размышлений». Это моя собственная догадка, опиравшаяся на мой собственный опыт наше собственное размышление. Эта догадка при всей своей четкости все же предполагает в нашей молодой литературе уже сейчас наличия классических проплещений, и не об этом шла речь в моих «Новогодних размышлениях». Только воинствующий «здравый смысл», чуждый всякой аналитике, может требовать столь прямого догматизма едва начавшегося процесса, коптистированного в моей статье: я вполне сознательно ограничился указанием на те элементы процесса, которые, по моим взглядам, свидетельствуют о рождении нового качества советской литературы. Я не зарекаюсь от того, чтобы еще вернуться к этой теме, но сейчас, повторяю, меня главным образом интересует метод мышления моего оппонента.

Согласно «здравому смыслу», переход от сегодняшней советской литературы к советской классике будет совершаться из гоха в гол путем постепенного «улучшения» качества советской литературы, вполне, по мере того, как она будет проникаться добрыми советами, преподносимыми критикой. Это не шутка и не пародия: именно в этом и заключается неформулированная мысль той части статьи В. Пернова, которая направлена против

ЯК. РЫКАЧЕВ

моих «Новогодних размышлений». Разрешительно говорить о приближении классической литературной эры, — воскликнет В. Пернов, — если Рыкачев не может назвать «ни одного произведения, ни одного имени в качестве примера и до такой степени заинтересовать читателя, что даже не изложит содержания тех рассказов молодого автора, которые привели автора статьи в столь сильное возбуждение!»

Кстати сказать, содержание одного из рассказов я привел, но никак не с целью доказать его «классичность»; я впервые в В. Пернова узнал о существовании «классического» содержания. Вообще же приближение классической эры я обосновываю в своей статье не внутренними закономерностями самого процесса литературы, и еще менее — постепенным ростом качества советской литературы. Я достаточно отчетливо указал, что приближение классической эры непосредственно связано с окончательной кристаллизацией в народном сознании всех завоеваний и культурных свершений Октябрьской революции. Из этого следует, что «переход» к классике связан не только с соглашением качеством литературы и по самой сути своей глубоко аналитичен. За примерами ходить недалеко: достаточно ознакомиться хотя бы с дописьмской и с до-геттской литературой. Впрочем, я отсылаю читателя к моей статье, где эти обозрения положены более полно. В этом свете требование, предлагаемое мною В. Перновым, — указать классические произведения молодой советской литературы, — звучит достаточно смешно. Если уж он имел намерение оспорить мое высказывание, ему было бы перенести спор в область общих высказываний «Новогодних размышлений». Но тут-то и сказался его «здравый смысл», застарелая привычка мыслить имманентными литературными категориями.

Странно сказать, но во всей нашей критической литературе нельзя указать ни

одной статьи, посвященной процессам, влущим в советской художественной литературе — процессам сложным и глубоким, теснейшим образом связанным с жизнью страны. Критика идет обычно от книги к книге, от рецензии к рецензии, минуя всякие обобщения и прогнозы. Можно подумать, что развитие нашей литературы — это сплошной, самоведающийся процесс, лишенный этапов и звенев, как бы инерциальный полиграфический конвейер, выбрасывающий то плохое, то хорошее книги; а единственная задача критики состоит в оценке этих «плохих и «хороших» книг — отрицательная в первом случае, и положительная — во втором. Полагайте наши злудивые — и единственные — специальны критический журнал «Литературный критик» и «Литературное обозрение»: вы не найдете там ни единой статьи о современной литературе, которая могла бы служить со стороны В. Пернова упрек в «паренце» мысли. В. Пернов нашел уместным в обстоятельствах, когда советская литература, как в хлебе насищена, нуждается в критике, способной не только рецензировать, но и мыслить общими категориями, — призвать критиков «приземлиться, совершив посадку с безгрешных принципиальных страпофоров на граниющую землю текущей литературной действительности». Мало того, он тут же дал образец подобной «конкретной» критики, на скользкую руку, не будь самоуверености и самоволчества разделенных с двумя книгами, только что упавшими на его письменный стол с полиграфического конвейера, который он, видимо, и склонен принять за процесс развития советской литературы; ибо в его «анализах» этих книг, сделанных как бы в лизинге Рыкачева и Гуревича, нет и следа проактивированного им в начале статьи «выяснения каких-то действительно новых явлений и литературных закономерностей».

В заключение я хочу выразить твердую уверенность, что В. Пернов уразумеет разницу между житейской достоверностью и об'ективной истиной и определит лептеский тезис о пользе фантазии во всех областях жизни и творчества.

КАНДИДАТЫ НА ПРЕМИЮ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

Какая пьеса 1939 года достойна премии имени А. М. Горького? Этому вопросу было посвящено на них собрание московских драматургов и писателей с представителями театров столицы. Председатель комиссии по драматургии, театру и кино при президиуме ССР А. Н. Толстой, открыл собрание, сказав:

— Наша драматургия находится на переломе, в начале моиного поэма. Мы выросли из да-и-но последних десятилетий, возмужали. У нас углубились требования к искусству.

— Искусство, — говорит далее А. Н. Толстой, — это познание человека в социальной сфере. К такому искусству мы подошли вполне. Такое искусство хотят широкие массы зрителей и читателей, и они вправе сердиться на нас, упрекать нас в том, что мы показываем всем лишь обличья человека, кожаную куртку, хорошо спитый костюм или пальцовую пижаму. Зрители хотят, чтобы мы были хорошиими психологиями, добросовестными аналитиками и инженерами человеческих душ, то есть строителями фантазий, подобных нашей жизни, фантазий, возникающих, фантазий, помогающих познавать действительную в реальную жизнь, фантазий, окрылено велущих сквозь трущины вперед, к победам и жизни. Вот то, чего нас хотят, вот тут задачи, которые мы должны разрешать.

Одной из лучших пьес сезона, которая достойна соревноваться на получение премии, т. Альтман считает пьесу Самед Вургана «Багифа» — об азербайджанском поэте, возглавившем народное движение против персидского шаха Каджара. К числу произведений, заслуживающих поощрения, он относит пьесу Б. Вортекова и Л. Ленча «Павел Греков», пьесу о пафтийской честности, правдивости, активности в настоящей человечества. Этой пьесе И. Альтман противопоставляет «Клевету» Н. Вирты, по идейности ставящую знатчительные ниже «Павла Грекова».

Горячо поддержал пьесу «Павел Греков» представитель театра Революции т. Фельзман. Ценность этой пьесы, говорит он, не только в показе вредительства. Это сделать не так уж трудно. У нас есть немало пьес, где вредительство изображено лучше, напри-

мер в «Родном доме» Романова, но тем не менее эта пьеса быстро сошла с репертуара, в то время как «Павел Греков» выдержал 2 тысячи представлений, его смотрели миллионы зрителей, и все же она не теряет своей актуальности, не перестает волновать. Сила и значение пьесы «Павел Греков» в том, что она показывает новый тип советского молодого человека, его чувства, его любовь к партии.

О «Павле Грекове» как произведении

большой драматургической смелости говорит К. Финн. Самое цепко и важное в ней — это ее правильная тенденция, большая идея направлена на то, чтобы безусловно было положено в основу оценки произведения.

Разыграть премию между нескользкими пьесами предлагают т. В. Залесский, не находит пьесы, достойной по своим качествам этой натуры. Наиболее значительными в сезоне он считает: «Жизнь» Ф. Напферова, «Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука и «Волк» Л. Леонова.

Право на премию пьесы «Илья Муромец» Н. Павленко и С. Разинского отстаивает Соловьев (московский Театр юного зрителя), считая ее лучшей в сезоне по художественным образам, языку и патристическим настроениям. Авторы ее возрождают давно забытый жанр народной исторической пьесы. «Илью Муромца» как лучшее драматургическое произведение сезона отмечает и К. Трепев.

Т. Трепев полемизирует с т. Залесским по поводу пьесы К. Финна «Сашка», «На чистоту» А. Глебова, «Ватаги» С. Вургана, «Бар-Кохба» С. Галкина. Отмечая до-стонность и неостатки их, М. Левин отдает предпочтение двум последним пьесам.

Предложение т. Залесского — присуждать премию одной пьесе, а разделить ее, — отвергнула С. Городецкая.

Выступивший на собрании председатель Комитета по делам искусств при СНК ССР т. М. Красиченко возразил против предложения о разделении премии. Мы не должны забывать, говорит он, что премия ежегодная и имеет целью поддерживать лучшие произведения. Не каждый год создается гениальные произведения, и совершение ясно, что у нас нет сейчас пьесы, которая бы really выделялась и стояла над группой, как нетто, не подлежащее сомнению. Но это не значит, что мы в беспомощном положении. Нохоях к отечественному искусству. Каждый год наше будущее зависит от нас.

Однако пьеса «Павел Греков» — это произведение, которое мы будем искать в них на-чала какого-то нового движения вперед. Такие пьесы в 1939 году были, и лучше из них должна быть присуждена премия имени Горького.

Специальной комиссией Комитета по делам искусств и президиума союза советских писателей предстоит рассмотреть съезд сорока присланных, поступивших со всех концов ССР.

В. Г.

часто слишком общие. Поэтому так много горьких слов приходится посыпать по кубышевскому адресу.

Начинается альманах с поэмой В. Смирнова «Рылеев». Читая ее, испытываешь желание пойти хотя бы далеко спрятанное, прятавшееся чувство, понять побуждение автора, написавшего 12 глав на тему, которая сама по себе сохраняет вечное яркое волнение. Где скрывается поэт, когда мысли, его страсти и страсти?

Старомодным, бесчувственным слогом, долго и пусто тянуть от нитья даже скромно-несовременного произведения.

От бесконечной совокупности глаз, изнутри смертной любовью.

Но в огромных зрачках позыхала гроздь, Вихрь, снегом, морозом и кровью.

Драматизация местами поэмы, автор возводит на себя неспособность тяжести, пытаясь воззвать до глубины мысли и страсти великих борьб революционеров. Все это сводится к кощунственному и циничному ущемлению их образов. Вот, например, отрывок из разговора декабристов между собой:

Муравьев.

Одень мне отрадно, Что бы так всплыли, друзья!

Но вот хоры на небесах.

О чём, Рылеев, загрустил?

Бестужев.

Он государя не повесил И до сих пор не застрелил!

Рылеев.

Ты пущишь все, а я группу Зарядов о нашей доле.

И часто сердем трепещу При странной мысли о первом!

и т. д.

Кроме поэм «Рылеев» В. Смирнов

из ПУТЕВОГО АЛЬБОМА. Зарисовки О. Городецкого «Селение Нар — родина Коста Хетагурова».

СТИХИ СОВЕТСКИХ ОСЕТИНСКИХ ПОЭТОВ

Тембол БАЛАЕВ

Нар-аул

Над какой неприступною кручей
Нар-аул свои крылья простер!

И ложатся весенне тучи
На уступы, на выступы гор..

Он одел свое тело камнями
Древних башен, чья слава гремит.

За его пожилыми племенами
Лишь моленые седая молчан.

Где-то там, под аулом сверкая,
Пригрозит ручейку ручек.

Но обиды друг другу проща,

Образуют единый поток.

А вдова не томится, не бродит
Нар-аул своим крыльям для сирот,
И на камни их солнце находит!
На уступы, на выступы гор..

О, Коста! — слышен голос народный,
Если б жил ты меж нами сейчас,
Не скорбел бы твой дух благородный,
Не катились бы слезы из глаз.

На страну посмотрел бы родную,
На ликующий ласковый мир.
О, Коста, верно, песнь иную
Подарил бы нам веши Фандыр!

Перевод с осетинского
Семен ОЛЕНДЕР.

Д. ДАРЧИЕВ

Соловей

Соловей ты мой!

Лишь блеснет заря —

Из-за дальних гор

Ты летишь ко мне.

Над окном моим

Звонок голосом

Распеваешь ты

Песни радости.

На тебя гляжу —

И душа поет,

Соловей ты мой,

Луч мой солнечный.

Как ручей в горах,

Я с тобой пою:

Песен слушает

Вся Осетия!

Соловей ты мой,

Лишь блеснет заря —

Из-за дальних гор

Ты летишь ко мне.

Перевод с осетинского
Павел ПАНЧЕНКО.

А. ГУЛУЕВ

На утесе

Снежные вершины,

Словно исповеди,

Каждая суворо,

На меня глядят.

Терек подо мною,

И книга, и воя,

Пенится волна,

Накануне юбилея «Джангара»

Весной этого года вся наша страна будет праздновать 500-летие героического калмыцкого эпоса «Джангар». Контуры этого народного праздника отчетливо наметились на первом пленарном заседании юбилейного комитета, состоявшемся 11 января в клубе писателей.

С докладом о великом памятнике народного эпоса выступил секретарь юбилейного комитета Б. Басанов.

— Любые калмыцкие народы к «Джангару» и популярности эпоса огромны. «Джангар» известен и любим не только в советской Калмыкии, но и в Сынгизии, в Монгольской Народной Республике, в Талин-Тубе, в Западном Тибете. Причина популярности эпоса заключается прежде всего в его глубокой народности. В эпосе ярко выражены члены калмыцкого народа, мечты о стране Бумбы, стране вечной молодости и бессмертия, довольства и изобилия, мечты о жизни, в которой люди после 25 лет не старятся и живут, «ничего не дела на мое и твое». Эта многовековая мечта теперь сбылась в стране Советов.

В «Джангаре» поэты чувства, которые были всем советским людям — высокий патриотизм и беспредельная любовь к родине, никонец, показ искусства Калмыкии в Москве.

Да отрешимся от зависти, от похвалы, от затаенных измен, от вражды, от альчи...

Груди свои обнажим и засияем сердца И за народ отдалим нашу кровь до конца.

Популярность «Джангара» объясняется также его высокой художественностью, выпуклостью и реалистичностью образов, изумительной словесной тканью, богатством вымысла и фантазии, музыкальностью стиха.

Все эти особенности «Джангара», заключает свой доклад Б. Басанов, безусловно вызывают у него любовь у многочисленных народов нашей великой родины.

Переводчик «Джангара» поэт С. Липкин, читавший на заседании юбилейного комитета отрывки из эпоса, преподнес свое му чтению вступительное слово.

«Джангар», сказал С. Липкин, отличается от всех эпических произведений народов Азии тем, что он был создан не под влиянием персидской и арабской культуры, а под влиянием культуры Китая и Индии. Трудности перевода были двоякими. С одной стороны, они исходили из словарного несоответствия языка «Джангара» и литературного русского. С другой стороны, трудности определялись полной неизученностью системы калмыцкого стихосложения. Каждое слово в «Джангаре» имеет два упражнения — главное и музикальное. При чтении печатного текста эпос звучит как проза. Джангарчи же поют его, как стихи. Вот почему в основу перевода было положено музыкальный текст, а не печатный.

С сообщением о подготовке к юбилею выступил секретарь калмыцкого обкома ВКП(б) тов. Лаврентьев.

В Элисте, сказал он, уже проведены доклады об эпосе на общих собраниях писателей, интеллигентов и на совещаниях пропагандистов. Сейчас в Элисте и в районах проходят циклы популярных лекций, бесед и докладов. Калмыцкий театр готовит к постановке отрывки из «Джангара».

11 января состоялось заседание юбилейного комитета по празднованию 500-летия калмыцкого эпоса «Джангар». На снимке: слева направо — заместитель юбилейного комитета командиром 2-го ранга О. Городовиков, Якуб Конопа, С. Липкин, Б. Басанов, член-корреспондент Академии наук ССР Н. Поппе, председатель президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР Д. Поршев, секретарь калмыцкого обкома ВКП(б) Р. Лаврентьев и представитель Северо-Осетинской АССР Б. Бочинов. Фото Р. Бенарио.

Реорганизация секции народного творчества

Последнее заседание секции народного творчества союза писателей было посвящено организационным вопросам.

С планом дальнейшей работы секции выступил член бюро секции т. П. Скосырев.

— Работа секции до последнего времени, — сказал он, — носила специальный характер, она была как бы отделена от общей работы, проводимой союзом писателей. Между тем сейчас происходит серьезнейшие процессы в истории советской культуры — сближение фольклора и литературы. Это сближение настолько интенсивно, что в ряде случаев трудно становится поставить грань между сказителем и профессиональным поэтом.

В связи с этим характером деятельности секции должен в корне измениться. Секция должна работать в теснейшем контакте с общим направлением работы союза писателей. Она должна серьезно заняться фольклором братских республик, выявлять лучших мастеров народного творчества, помогая им росту, должна разработать фольклорную карту нашей страны.

План дальнейшей работы секции необходимо детально и глубоко продумать, чтобы он был интересен не только узкому кругу фольклористов, но и широкой творческой аудитории.

В развернувшихся оживленных прениях принял участие член юбилейного комитета академику И. Липкину организовать в марте 1940 г. научное совещание по вопросам «Джангара».

Прошу редакции литературных журналов начать широкое освещение «Джангара», поручив группе писателей написать статьи для журналов и газет.

М. П.

Два заседания

ИТОГИ ХЕТАГУРОВСКИХ ДНЕЙ

7 января на заседании Бюро национальных комиссий с докладом об итогах работы Хетагуровского юбилейного комитета выступил т. Епихин.

Благоприятную оценку этой работе, сказал т. Епихин, дал в своем выступлении обком партии Сибирского Северо-Осетинии. Сбылась долголетняя мечта народа о памятнике любви поэту. Открыт музей художественной литературы в Орджоникидзе — событие, которое в наших условиях трудно недооценить. Мы имеем уже первый том академического издания Коста Хетагурова. В 1940 году выйдет еще два тома. Исключительно значение мы придали своеобразию вышедшего на русском языке «Осетинской лире» Коста, давшей возможность познакомиться со стихами великого осетинского поэта всем народам нашей страны.

Юбилей Коста Хетагурова положил начало самой интенсивной творческой связи между осетинской литературой и литературой братских народов. Нас связывает не только великое прошлое, но и прекрасное настоящее. Наши молодые писатели и поэты обогащаются в процессе творческого общения со своими братьями по труду, наша цель сейчас — сделать это сближение еще более взаимным и продуктивным. Союз писателей должен этому помочь. Нужно во что бы то ни стало осуществить в этом году издание антологий осетинской литературы, второго издания произведений Коста Хетагурова со включением непереведенных стихов и поэм «Хетаг». Нужно также волонтеры в жизни смыслись из издания осетинского фольклора, богатейшего народного эпоса и переводе его на русский язык. Наконец, следует издать несколько сборников произведений осетинских писателей.

Поступление учитывает, что для достижения намеченной цели потребуется сравнительно большая срок, между тем как потребность в переводах с каждым днем увеличивается и потому **наш временный практикум** допускает возможность работы над переводами и без знания языков при соблюдении, однако, определенных и обязательных условий.

В первую очередь строго регламентируются правила для составления подстраниц. Подстрочки должны быть переданы как общее содержание произведения, как и всю систему его образов, а также особенности его лексики с сохранением синтаксической и интонационной структуры поэтической речи автора.

С большим интересом было выслушано сообщение Харитона Плиева о работе, проведенной Южно-осетинской писательской и издательской организацией.

В этом году, не считая переводов, будут изданы повесть Р. Чечина «Вперед», полное собрание сочинений Харитона Плиева, поэма Г. Даугаева «Меч», стихи Д. Дарчевса, роман Д. Мамсурова «Ас-харбек», избранные стихи Нигера, пьесы Е. Бритаева, полное собрание сочинений Е. Бритаева.

В первую очередь должна быть приложена внимание (рисунков) ритмической структуры, оригинал в русской транскрипции или же в транскрипции языка, на который переводится произведение, краткое сведение об авторе, о его творчестве и о месте, которое он занимает в литературе своего народа.

Встреча с академиками гор. Львова

Новый список «Путешествия» Радищева

На днях Московским государственным литературным музеем приобретен новый список из известной книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Этот список представляет особый интерес.

Количество списков «Путешествия» велико. Но все это списки с первого печатного издания «Путешествия» 1790 года, которое было конфисковано вскоре после своего выхода в свет.

Приобретенный в настоящее время Литературным музеем список при внимательном исследовании оказался списком не с печатного издания, а с несохранившегося автографа Радищева, относящегося к 1786 г. Эта первая редакция «Путешествия» из Петербурга в Москву, по сравнению со второй редакцией 1790 г., вполне иносказание противоречий, носящее еще более революционный характер.

В Пушкинском доме Академии наук в Ленинграде хранится список с этого автографа, приобретенный несколько лет назад. Располагая этим списком и недавно найденным, можно будет довольно точно установить истинный, не исказенный цензором текст «Путешествия» из Петербурга в Москву.

«Жизнь и творчество Маяковского»

В ближайшие дни Библиотека-музей В. В. Маяковского открывает большую выставку, отражающую жизненный и творческий путь поэта.

Первый отдел выставки посвящается детским годам Маяковского. Здесь будут представлены фотографии его родных и близких, первые прописанные им книги, кончины с оригиналами писем.

Вслед за этим будет показана работа Маяковского в РСДРП(б). Вторые выставляются обширные материалы оружного отделения, относящиеся к революционной деятельности поэта: распоряжения об его аресте, протоколы допросов, различные донесения, фотографии Маяковского, принадлежащие Московскому охране.

Знакомство с творческим путем поэта состоится начнет со щита «В бою за новое искусство», где собраны материалы о совместной работе Маяковского с футуристами В. Хлебниковым, А. Крученых, Д. Бурлюком и другими. Чрезвычайно любопытны афиши первого вечера футуристов с участием Маяковского и программы представления «Владимир Ильин Ленин», высказывания Ленина о Маяковском, иллюстрации художника А. Каневского к отечественному «Прозаиздевавшися».

Музей, где будет открыта выставка, находится в доме, в котором жил Маяковский в 1926—1930 гг. Помимо выставки, посетители смогут ознакомиться и с его квартира, состоящей из передней, кабинета и столовой, где проходили литературные встречи и вечера.

Новые книги

ТРИ СБОРНИКА СТИХОВ

Государственное издательство «Художественная литература» в ближайшие дни выпускает три сборника стихов:

— И. А. Куратов (1839—1875). «Стихи».

В сборнике, изданным к 100-летию со дня рождения И. А. Куратова, помещено более 30 стихотворений, переведенных с коми-языка Иваном Молчановым, которому принадлежит также и вступительная статья «Народный поэт Коми».

— Ованес Шираш. «Стихи».

Избранные стихи поэта в переводах В. Знаменской, Я. Кельхуза, А. Кочеткова, Д. Бродского, Н. Папова, О. Румера, К. Литискова, А. Гатова, С. Шервинского, В. Державина, А. Овсянникова.

— Георгий Шенгели. «Избранные стихи».

В четырех разделах сборника — «Стихи о революциях», «Страны в ледяных», «Маленькие драмы», «Разные стихотворения» помещены избранные произведения поэта, написанные за период 1914—1934 гг.

Сборнику предпослана вступительная статья академика А. И. Белецкого.

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

За последние две голы — говорил М. Зощенко на собрании комсомольского актива Ленинграда, — я написал десятка полтора детских рассказов и кроме того попробовал свою силу в труднейшей теме — написал 12 рассказов о Ленине. Причем рассказы эти написаны по фактическому материалу. В каждом рассказе показана та или иная черта характера великого человека. Словесные вместе, рассказы должны были дать образ Ленина».

Государственное издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ выпустило эти рассказы М. Зощенко отдельным сборником. Рисунки к книге выполнены художником Н. Тырыса.

В ближайшее время «Рассказы о Ленине» будут напечатаны также в журнале «Звезда».

ПОВЕСТЬ О В. М. МОЛОТОВЕ

Детская ЦК ВЛКСМ выпустила новую биографическую повесть С. М. Михайлова «Слава», посвященную юношеским годам Вячеслава Михайловича Молотова.

Признавая значение языков необходимой предпосылкой для полноценного художественного перевода, постановление назначило мероприятие по организации учебы переводчиков и составителей подстрочек. СССР станет также вопросом об открытии курсов языков народов ССР в крупных центрах нашей страны, ходатайствует об организации специальной кафедры по художественным переводам с факультативным преподаванием важнейших советских языков в ИФЛИ, пединститутах и на лингвистических факультетах в Литературном институте союза писателей. Большая роль отводится также курсам-конференциям, посвященным вопросам художественного перевода.

Поступление учитывает, что для достижения намеченной цели потребуется сравнительно большой срок, между тем как потребность в переводах с каждым днем увеличивается и потому **наш временный практикум** допускает возможность работы над переводами и без знания языков при соблюдении, однако, определенных и обязательных условий.

В первую очередь строго регламентируются правила для составления подстрочек. Подстрочки должны быть переданы как общее содержание произведения, как и всю систему его образов, а также особенности его лексики с сохранением синтаксической и интонационной структуры поэтической речи автора.

С большим интересом было выслушано сообщение Харитона Плиева о работе, проведенной Южно-осетинской писательской и издательской организацией.

В первую очередь должна быть приложена внимание (рисунков) ритмической структуры, оригинал в русской транскрипции или же в транскрипции языка, на который переводится произведение, краткое сведение об авторе, о его творчестве и о месте, которое он занимает в литературе своего народа.

Хроника

* 9 января в Центральном доме журналиста состоялся творческий вечер Л. Никитина. Писатель читал отрывки из своей новой пьесы «Чудо на Буге» и из написанной им недавно воспоминаний о В. Маяковском.

* Писатели Мухтар Азизов и Леонид Соболев закончили пьесу «Абай» — о жизни великого казахского акына Абая Кунанбаева.

На днях правление союза советских писателей Казахстана организовало обсуждение пьесы «Абай» — ведущие деятели искусств присутствовали на выставке в Академии художественных наук Казахстана и студенты вузов республики. Все выступавшие дали положительный отзыв о пьесе, однако, один из них указал, что «Абай» является крьпой калмыцкой драматургией.

* В Ургенче (Хорезмская область) состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию творческой деятельности народного поэта Хорезма Курбан-Ата Исаимова. Доклад о литературной и общественной деятельности Юбильяра сделал секретарь обкома ВКП(б) тов. Абулзаков.

Курбан-Ата Исаимову исполнилось 73 года. Он написал много стихов, поэм и песен, метко обличающих религию и старые уклады жизни. За последние годы тов. Исаимов написал стихи и песни о доблестной Красной Армии, о счастливой колхозной жизни, об обновленной жизни.

Большой теплотой проникнуты произведения поэта, посвященные творческому пути Курбан-Аты, одному из первых поэтов Казахстана.

Хинвильский городской совет присвоил Курбан-Ате Исаимову звание почетного граждани